

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: СЛУЧАЙ Т.Р. ПЕЙНА

© **Богданчиков С.А.**

к. пс. н., Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия

bogdanchsa@gmail.com

В статье проводится историографический анализ книги Т.Р. Пейна «С.Л. Рубинштейн и философские основания советской психологии» («S.L. Rubinštejn and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology», 1968). Анализируется содержание книги, а также рецензии Й. Брожека (1971), Е.А. Будиловой и К.А. Славской (К.А. Абульхановой) (1973) и Д. Джоравски (1974) на книгу Т.Р. Пейна. Делается вывод, что данная работа до сих пор остается малоизвестной, слабо изученной и плохо понятой, так как с самого начала Т.Р. Пейн вследствие уязвимости своих исходных методологических позиций оказался под огнем критики сразу с двух сторон: не только со стороны советских психологов, но и со стороны своих коллег – зарубежных исследователей истории советской психологии.

Ключевые слова: история советской психологии, зарубежная историография истории советской психологии, философские основы психологии, научные монографии и рецензии, Т.Р. Пейн, С.Л. Рубинштейн, Е.А. Будилова, К.А. Славская (К.А. Абульханова), Й. Брожек, Д. Джоравски

Введение

Одна из ключевых задач российского исследователя истории советской психологии в настоящий момент состоит, с нашей точки зрения, в том, чтобы, осознав и окончательно преодолев (прежде всего – в себе) разнообразные идеологические препоны, максимально воспользоваться открывающимися возможностями, и в ходе всесторонней историко-научной реконструкции дать с высоты своего времени как можно более адекватную («с высоты» – еще не значит «свысока») историческую оценку советского периода развития отечественной психологии. Прощание с советской психологией может быть долгим, но оно не может быть бесконечным, постсоветский период в развитии нашей психологии рано или поздно должен закончиться, и в этом отношении современный исследователь истории советской психологии просто обязан (можно даже сказать – обречен) расставлять все точки над «i» и подводить окончательные итоги. Круг должен быть замкнут, исторический гештальт должен быть завершен.

Помимо окончательной и бесповоротной деидеологизации, фундаментального осмысления собственных концептуальных рамок и кропотливой конкретной работы с первоисточниками и архивами для выполнения этой непростой задачи требуется устранить один весьма существенный пробел – проанализировать до сих пор в силу разных причин слабо изученную зарубежную (времен существования СССР, постсоветского периода и самую современную) историографию истории советской психологии, прежде всего основополагающие работы Р. Бауэра [15], Т.Р. Пейна [32], Л. Грэхэма [21], Л. Рамани [37], Дж. МакЛэйша [25], А. Козулина [24], Д. Джоравски [23]. Из недавних работ отметим вышедший в 2020 г. сборник под редакцией А. Ясницкого «История марксистской психологии: золотой век советской науки» [38]. Симптоматично, что на данный момент из всех этих книг переведена на русский язык только книга Л. Грэхэма [8].

К этому списку монографий (конечно, далеко не исчерпывающему, но лишь обозначающему основные вехи и ориентиры) следует добавить не менее значимые по своей глубине и значимости

статьи, рецензии и другие публикации Й. Брожека (J. Brožek), Н. О'Коннора (N. O'Connor), И.Д. Лондона (I.D. London), А. Мин-тца (A. Mintz), Г. Разрана (G. Razran), Б. Саймона (B. Simon) и других зарубежных исследователей советской психологии и ее истории.

Цели и задачи исследования

Конкретным поводом для нашего целенаправленного историографического исследования стала вышедшая в начале 2021 г. статья О.А. Артемьевой об американской историографии «Павловской сессии» [4]; точки пересечения обнаруживаются и с вышедшей несколько позже статьей А.В. Юревича о советском человеке как социокультурном типе [13]. Опираясь на достигнутые результаты [6], предметом исследования в данном случае мы выбрали вышедшую в далеком 1968 г. книгу Т.Р. Пейна «С.Л. Рубинштейн и философские основания советской психологии» [12; 32].

Что заставило нас обратиться к книге Т.Р. Пейна именно сейчас, пятьдесят четыре года спустя после ее публикации?

Во-первых, книга Т.Р. Пейна вышла (под номером тридцать, то есть в качестве тридцатого тома) в уже успевшей к тому времени зарекомендовать себя, солидной во всех смыслах серии «Sovietica»: в общем и целом, в этой «советологической» серии, основанной и издаваемой Ю.М. Бохеньским, с 1959 по 1997 г. было опубликовано, судя по имеющимся у нас сведениям, пятьдесят семь томов.

Во-вторых, в книге Т.Р. Пейна рассматриваются философские основания советской психологии (вообще, и в работах С.Л. Рубинштейна в особенности) – тема интересная и актуальная и в наши дни, а в то время практически неизученная и незнакомая для зарубежного читателя. В этом смысле книга Т.Р. Пейна и сейчас представляет не только историко-психологический, но и теоретико-методологический интерес.

В-третьих, наш выбор был обусловлен тем, что, несмотря на два первых обстоятельства, книга Т.Р. Пейна как историографический факт с самого начала и до сих пор остается малоизвестной, слабо изученной и плохо понятой. Даже выполненный С.С. Кургияном в 2011 г. перевод на русский язык двух глав (четвертой и пятой) из книги Т.Р. Пейна [32, С. 84-152] и небольшая

предваряющая статья переводчика [11] практически мало что изменили, так как вопрос о причинах невнимания к книге Т.Р. Пейна хотя и обозначился в этих двух публикациях еще более остро, но так и остался, в сущности, повисшим в воздухе, не получившим ответа.

Со своей стороны, мы должны сказать, что в ходе длительных поисков нам удалось обнаружить только одну (!) рецензию на книгу Т.Р. Пейна, опубликованную в 1970 г., написанную, как и полагается, «по горячим следам» (сразу или почти сразу после ее выхода). Это краткая рецензия Й. Брожека [18], причем в ней не содержится каких-либо серьезных критических замечаний (впрочем, и в позитивном плане Й. Брожек оказался столь же скуп на оценочные суждения). Вряд ли подобный стиль – минимум критики, минимум субъективизма в оценках, краткость – можно целиком объяснить жесткими формальными требованиями редакции журнала к рецензиям.

При выяснении этого вопроса нужно учесть, что многие идеи, высказанные Т.Р. Пейном в своей книге, вовсе не должны были явиться для зарубежного научного сообщества полностью неожиданными (свалившимися как снег на голову) и оттого непонятными сразу и не понятыми впоследствии. В журнале «Studies in Soviet Thought» («Исследования советской мысли»), основателем и издателем которого с 1961 г. был все тот же Юзеф Мария Бохеньский, мы обнаружили восемь публикаций Т.Р. Пейна, хронологически относящихся к периоду 1963-1968 гг. и содержательно связанных с темой рассматриваемой книги:

- обзорно-аналитические статьи «Сергей Леонидович Рубинштейн» [26],
- «Книги и статьи С.Л. Рубинштейна» [27],
- «О теоретических основах советской психологии» [29],
- «Проблема “мозг и психика” в советской психологии: обзор ее развития и перспектив» [30],
- «Развитие советской психологической теории: случай С.Л. Рубинштейна» [34],

а также три рецензии:

- рецензия на книгу П. Вигора (P.H. Vigor) о марксизме и его влиянии на советское развитие [28],
- рецензия на две книги советских авторов («Мозг человека и психические процессы» А.Р. Лурия и «Проблемы психологии памяти» А.А. Смирнова) [31],
- рецензия на книгу А.В. Петровского «История советской психологии» [33].

Обратим внимание, что к статье о «случае С.Л. Рубинштейна» Т.Р. Пейн сделал характерное примечание: «Некоторые материалы этой статьи в расширенном виде появятся в книге “С.Л. Рубинштейн и философские основы советской психологии”, которая будет опубликована в серии “Sovietica”» [34, с. 156].

Кроме того, в 1970 и 1974 гг. в том же журнале «Studies in Soviet Thought» были опубликованы еще две работы Т.Р. Пейна, которые непосредственно пересекаются с его исследованием философских оснований советской психологии: это статья, посвященная восьмидесятилетию со дня рождения С.Л. Рубинштейна [35] и рецензия на книгу по истории советской психологии Й. Брожека и Д. Слобина [36]. Эти две публикации Т.Р. Пейна представляют значительный самостоятельный исследовательский интерес как отражающие определенную эволюцию взглядов Т.Р. Пейна на С.Л. Рубинштейна, советскую психологию, ее историю, историографию и актуальное (в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг.) состояние.

Однако все эти странности и нестыковки – только завязка интригующего сюжета, который можно обозначить как «случай Т.Р. Пейна» («*the case of T.R. Payne*»), если воспользоваться выражением из уже упомянутой выше статьи Т.Р. Пейна, в которой рассматривается «случай С.Л. Рубинштейна» («*the case of S.L. Rubinštejn*») [34].

Дальнейшее развитие сюжета выразилось в том, что через три года после рецензии Й. Брожека в журнале «Вопросы психологии» была опубликована обширная и детальная (но, по сути, разгромная) статья-рецензия Е.А. Будиловой и К.А. Славской [7] (Ксения Александровна Славская вскоре стала публиковать свои работы под фамилией Абульханова-Славская, в настоящее

время ее работы выходят под фамилией Абульханова). Для нас важно, что статья Е.А. Будиловой и К.А. Славской почти целиком посвящена критическому разбору книги Т.Р. Пейна.

К этому удивительному факту «запоздалой» рецензии можно ставить второй восклицательный знак (а заодно и знак вопроса), так как совершенно непонятно, что же помешало статье (или все-таки рецензии?!) Е.А. Будиловой и К.А. Славской появиться намного раньше – скажем, в 1969 или в 1970 году. Не менее интересным является и вопрос о том, что именно заставило Е.А. Будилову и К.А. Славскую выступить с этой рецензией именно в 1973 г., т.е. спустя пять лет после выхода книги Т.Р. Пейна.

Но и это еще не все: в конце 1974 г. (т.е. еще через год!) на книгу Т.Р. Пейна выходит предельно критическая (беспощадная, но уже по другим причинам) рецензия Д. Джоравски [22]. Чем объяснить факт столь резкого и вместе с тем еще более позднего рецензирования – с более чем пятилетней задержкой?

Для того, чтобы разобраться с этими вопросами, напрямую обратимся к первоисточникам: сначала к книге Т.Р. Пейна, а затем к трем рецензиям на нее.

О книге Т.Р. Пейна

Книга Т.Р. Пейна «С.Л. Рубинштейн и философские основы советской психологии» [32] состоит из «Введения», шести глав (каждая глава, состоящая из нескольких параграфов, предваряется небольшим вступлением и завершается обязательными заключительными замечаниями и обобщениями; ссылки приводятся в конце каждой главы), далее следует «Заключение», после которого приводятся четыре указателя: «Книги и статьи С.Л. Рубинштейна», «Избранная библиография» (список наиболее значимых публикаций советских авторов по психологии), «Предметный указатель» и «Именной указатель».

Первая глава «Истоки советской психологической теории» включает в себя четыре параграфа. В самом начале главы Т.Р. Пейн предельно отчетливо формулирует свое исследовательское кредо. Он пишет: «Советская психология является наследницей двух независимых традиций: фило-

софских принципов марксизма-ленинизма и научных традиций дореволюционной, русской физиологической психологии, в частности, развитых и проиллюстрированных в трудах Ивана Петровича Павлова. Официальная советская литература признает долг психологии перед этими двумя традициями, приписывая первой общую философскую основу психологии, а второй – научную методологию. Принятие марксизма-ленинизма в качестве философской основы советской психологии было одним из результатов философских дискуссий 1920-х годов, в то время как приверженность учению и методам Павлова стала необходимой характеристикой советской психологии только после Павловской сессии 1950 года» [32, с. 3].

Таким образом, суть позиции Т.Р. Пейна состоит в выделении двух «традиций» – «русской физиологической психологии» и «марксистско-ленинской философии» («философских принципов марксизма-ленинизма»), которые, как вскоре выясняется, и есть заявленные в названии книги «философские основы советской психологии».

В первом параграфе дается краткое описание исторического фона, на котором происходило развитие указанных традиций. При этом Т.Р. Пейн подчеркивает, что «несмотря на различие, эти традиции имеют общие корни в истории философии, восходящие к философии XVII века» [32, с. 3]. Во втором параграфе «Русская физиологическая психология» речь идет о первой традиции, в связи с чем дается краткая характеристика трех ключевых фигур в этой области – И.М. Сеченова, В.М. Бехтерева и И.П. Павлова. Завершается параграф заключением о русской физиологической психологии. В третьем параграфе, озаглавленном «Марксистско-ленинская философия» и непосредственно апеллирующем, очевидно, ко второй традиции, раскрываются три вопроса: «Материализм» (с подпунктами: Маркс, Энгельс, Ленин), «Диалектика» и «Марксистско-ленинская теория познания». Четвертый параграф «Павловизм и марксистско-ленинская философия» выполняет функцию заключения и обобщения всего содержания первой главы.

Во второй главе «Развитие психологической теории в Советском Союзе» описываются три периода развития советской психологии: механистический (1917-1930), диалектический (1930-

1950) и павловский (с 1950 года). В схематичном виде данная периодизация представлена в начале главы [32, с. 38]. В соответствии с этой схемой механистический период включает в себя два подпериода: ликвидация «идеализма» (1917-1924) и господство механицизма (1924-1930). Здесь следует обратить внимание на вывод Т.Р. Пейна о том, что проходившая в это время в философии дискуссия между механицистами и диалектиками закончилась «осуждением механицизма в философии», что в итоге «положило конец господству механицизма в психологии» [32, с. 46]. Диалектический период, по Т.Р. Пейну, также состоит из двух подпериодов – переходного (1930-1936) и «триумфа диалектики» (1936-1950). Далее (начиная с 1950 г.) идет, как считает Т.Р. Пейн, третий период – павловский.

В третьей главе «Жизнь и творчество С.Л. Рубинштейна» излагается биография С.Л. Рубинштейна, описывается его творческая («литературная») деятельность («Literary Activity») до и после Павловской сессии («Pavlov Conference»).

Четвертая глава, посвященная перестройке (реконструкции) психологии («There construction of psychology»), содержит два параграфа – «Психология и марксистско-ленинская философия» и «Павловизация психологии – новый синтез». В первом параграфе раскрываются четыре вопроса: «Кризис в психологии», «Основа для перестройки», «Новая концепция психического» и «Единство сознания и поведения» («The Unity of Consciousness and Behaviour»). Во втором параграфе рассматриваются два вопроса: «Аспекты психического» и «Идеальное отражение и материалистический монизм». В конце параграфа делается обобщающее заключение о «природе психического».

Две последние главы (пятая и шестая) посвящены непосредственно концепции С.Л. Рубинштейна, его позиции по вопросу о философских основаниях советской психологии. Соответственно, пятая глава «Психика и внешний мир» («The psychic and the external world») состоит из пяти параграфов – «Введение», «Отражение и идеальный образ», «Объект познания», «Субъект познания» (с параграфами «Основной способ существования психического», «Уровни познавательной деятельности», «Основные когнитивные

операции» и «Проблема личности»), «Психическое как оппозиция внешнему миру» и «Заключение и критика: психические явления как идеальное отражение».

Шестая глава «Психическая деятельность и мозг» («Psychic activity and the brain») состоит из «Введения» и четырех параграфов: «Психика как функция мозга», «Принцип психофизического единства», «Психика как высшая нервная деятельность» и «Заключение и критика: теория конститутивного реляционизма» («Conclusion and Critique: The Theory of Constitutive Relationism»).

Обратим внимание, что в процентном отношении три примерно равные между собой по объему главы в книге Т.Р. Пейна – первая, четвертая и пятая – в совокупности составляют две трети от общего объема всех шести глав. Очевидно, это свидетельствует об особой значимости рассматриваемых в них вопросов.

В целом книга Т.Р. Пейна производит впечатление тщательно продуманного и хорошо сбалансированного в оценках, основывающегося на конкретных исторических фактах (архивных данных, библиографии, первоисточниках и т.д.) текста. Другое дело, насколько готовы читатели книги согласиться с исходными установками автора, с логикой его рассуждений, оценками и конечными выводами.

Наши замечания в этом отношении носят общий характер и могут быть сведены к следующим трем пунктам:

1. В своей книге Т.Р. Пейн предлагает описывать и оценивать русскую психологию путем выделения в ней определенных «традиций». Но при этом он специально не оговаривает, что именно следует понимать под традициями. Проблема здесь заключается в том, что за этим понятием могут скрываться самые различные компоненты и характеристики науки, начиная от более-менее ясно очерченных научных направлений, теорий, концепций и школ и заканчивая трудно уловимыми – вследствие своей абстрактности и глобальности – «подходами», «источниками», «детерминантами», «тенденциями развития», «исследовательскими программами» и даже «парадигмами».

2. Т.Р. Пейн сводит всю русскую психологию девятнадцатого столетия к одной традиции, которую он обозначает как «русскую физиологическую психологию», имея в виду, как становится ясно из дальнейшего, ту психологию, которая была представлена в работах И.М. Сеченова, И.П. Павлова и В.М. Бехтерева. А где же, спросим, Н.Я. Грот, Н.Н. Ланге, Г.И. Челпанов, А.И. Введенский и другие русские психологи второй половины девятнадцатого – начала двадцатого века? Уже здесь можно сказать, что нам предлагается усеченная, половинчатая история русской психологии.

3. Вся исходная конструкция Т.Р. Пейна, построенная на выделении двух традиций, выглядит достаточно спорно. Более того, выделяя «философскую традицию» и «русскую физиологическую психологию», Т.Р. Пейн, как нетрудно убедиться, вовсе не высказывает нечто новое и оригинальное: источниками его подхода выступили уже сложившиеся к тому времени взгляды на детерминанты развития и функционирования советской психологии. Взгляды сложившиеся, во-первых, в самой советской психологии и, во-вторых, в зарубежной историографии истории советской психологии.

Впрочем, Т.Р. Пейн прямо указывает, что его подход состоит не столько в критике, сколько в описании, интерпретации и синтезе того, что есть. Неслучайно в самом начале книги он счел нужным особо подчеркнуть: «Целью данной работы является обсуждение философских основ советской психологической теории. Рассмотрение этой темы носит скорее разъяснительный (expository), чем критический характер, хотя задача дать общее представление о советской психологической теории неизбежно включает в себя определенный элемент оценки» [32, с. 2].

Другими словами, Т.Р. Пейн, беря истинное (причем не только в области эмпирии, но и на концептуальном уровне) и из советской, и из зарубежной историографии, предлагает нам некий синтез. Но, как сказал поэт: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань» (А.С. Пушкин, «Полтава», 1829). В итоге Т.Р. Пейн неизбежно оказывается под перекрестным огнем критики сразу с обеих сторон, которые он пытается объединить в нечто целое.

Рецензия Й. Брожека (1970)

Йозеф Брожек (1913-2004) – один из выдающихся зарубежных знатоков и исследователей советской психологии и ее истории. Его наиболее значимые публикации, посвященные истории и историографии советской психологии, относятся ко второй половине прошлого столетия [16; 17; 19; 20]. Подробные сведения о Й. Брожеке как ученом и человеке содержатся в подборке материалов и воспоминаний о нем (в связи с его кончиной) в третьем номере журнала «History of Psychology» за 2004 год (V. 7, I. 3 <https://psycnet.apa.org/PsycARTICLES/journal/hop/7/3>)

Рецензия Й. Брожека начинается словами: «Историография русской и советской психологии нуждается в монографиях, посвященных отдельным периодам и областям, проблемам и методам, школам и личностям. Книга Т.Р. Пейна – первый вклад в этом направлении» [18, с. 350]. Что и говорить, проблема ясна, исходный замысел Т.Р. Пейна понятен и не вызывает сомнений, но как оценивать то, что получилось в итоге? В чем конкретно выразился его вклад в изучение советской психологии? Несмотря на то, что рецензия Й. Брожека небольшая по объему (менее четырех тысяч знаков), в ней четко обозначены наиболее принципиальные моменты исследования, представленного в монографии Т.Р. Пейна.

Первый вопрос, на который обращает внимание Й. Брожек, – это вопрос относительно названия книги, то есть, другими словами, о предмете исследования. Действительно, что именно является предметом исследования Т.Р. Пейна? Если «философские основания советской психологии», то при чем здесь «русская» («российская») «физиологическая психология» – выражение, как указывает Й. Брожек, принятое «в западной терминологии», но «что сами русские называли физиологией (Сеченов), рефлексологией (Бехтерев) и физиологией высшей нервной деятельности (Павлов)» [18, с. 350]?

Может быть (спросим мы, подхватывая и развивая замечание Й. Брожека), точнее было бы говорить (вслед за советскими авторами) о двух основаниях советской психологии – философском и естественнонаучном? Или же надо говорить не о философских, а о методологических, теоретиче-

ских или даже идеологических основаниях советской психологии, подразумевая тем самым, что и философские, и естественнонаучные основания советской психологии на самом деле не являются ни философскими, ни естественнонаучными, а лишь разновидностями идеологических оснований?! Но в этом случае, как мы понимаем, Т.Р. Пейну надо было бы очень хорошо представлять, что такое идеология, какие вообще бывают идеологические основания, как идеология связана с философией, естествознанием, той или иной конкретной наукой и т.д., то есть выстраивать собственную исследовательскую концепцию, причем не столько философско-психологическую или историко-психологическую, сколько историко-научную или даже культурологическую.

Т.Р. Пейн в этом отношении руководствуется тем, что есть, смещая центр тяжести своего исследовательского интереса и соответствующие инновации на более частный вопрос – о философских взглядах С.Л. Рубинштейна в области психологии.

Помимо отношения Т.Р. Пейна к философским основаниям советской психологии, для Й. Брожека не менее важно было зафиксировать отношение Т.Р. Пейна к ключевым моментам и событиям в советской психологии 1930-1950-х гг. В этой связи Й. Брожек отмечает, что «суждение Пейна о последствиях настойчивого требования партии в 1930-е гг. перестроить психологию на основе марксизма-ленинизма является негативным» [18, с. 350]. Столь же важно было для Й. Брожека обратить внимание на тезис Т.Р. Пейна о том, что «дополнительное догматическое настаивание в начале 1950-х гг., что психология должна быть верна не только Марксу и Ленину, но и мифифицированному Павлову (*прим.* Павлов умер в 1936 году), и делать это надо неукоснительно и тотально, усугубило путаницу» [18, с. 350].

Заметим, что в рецензии Й. Брожека приводятся оценки Т. Пейном С.Л. Рубинштейна как ученого и философа, причем весьма высокие: «Рубинштейн точно отражал меняющиеся нравы времени» ... «По оценке Пейна, “сила синтеза Рубинштейна в сочетании с его широкими познаниями в области философии и психологии выдвинула его в первые ряды современных психологов и придала его трудам ценность, выходящую за

рамки марксистско-ленинской ортодоксии» (с. 170)» [18, с. 350].

Й. Брожек также обращает внимание на неудачный перевод Т.Р. Пейном на английский язык прилагательного «психический»: «Что касается терминологии, то вызывает сожаление, что автор предпочел перевести психический (*psikhicheskii*) как *psuichic* (вместо *mental*), – термин, чуждый современной психологической лексике» [18, с. 350].

В этом пункте мы скорее на стороне Т.Р. Пейна: прилагательное «ментальный», будучи в русскоязычном дискурсе синонимом – если не вдаваться в терминологические тонкости – к прилагательному «психический», фактически не встречается ни у С.Л. Рубинштейна, ни в нашей психологии вообще, поэтому использование Т.Р. Пейном в своей книге слова *mental* («ментальный») создало бы дополнительные трудности для англоязычного читателя при знакомстве с терминологией С.Л. Рубинштейна, а для нас – при обратном переводе. Кстати говоря, при обратном переводе такие же проблемы возникают со словесными парами «эпистемологический» – «гносеологический» и «реконструкция» – «перестройка».

Завершая рецензию, Й. Брожек косвенным образом выразил мысль о том, что в изучении истории советской психологии исследователь должен иметь дело с социальной историей науки, с выходящими на первый план «идеологическими соображениями»: «В заключение следует отметить, что психология не была единственной научной дисциплиной в Советском Союзе, коренная перестройка (*reconstruction*) которой должна была осуществляться на основе марксистско-ленинских принципов, но это была одна из областей, наряду с социологией и генетикой, в развитии которой идеологические соображения сыграли большую роль. Следовательно, настоящая книга будет интересна не только историкам психологии, но и тем, кто занимается более широкой историей советской науки и культуры» [18, с. 350-351].

Мы полагаем, что хорошо прослеживаемую в рецензии краткость в изложении и сдержанность в оценках следует объяснять тем, что Й. Брожек не увидел в рецензируемой книге каких-либо существенных достижений и достоинств. В этом

плане показательно, как в последующем Й. Брожек отзывался о книге Т.Р. Пейна: освещая четыре года спустя в одном из своих скрупулезных библиографических обзоров вклад С.Л. Рубинштейна в развитие советской психологии, Й. Брожек сослался на книгу Т. Пейна всего лишь один раз – как на источник, содержащий библиографию работ С.Л. Рубинштейна [20, с. 195]. И не более того.

Рецензия Е.А. Будиловой и К.А. Славской (1973)

В 1973 г. на книгу Т.Р. Пейна в журнале «Вопросы психологии» под заголовком «Советская психологическая наука в освещении западноевропейского психолога» была опубликована обширная рецензия Е.А. Будиловой и К.А. Славской [7]. В наше время, то есть почти пятьдесят лет спустя, данная рецензия представляет большой интерес по целому ряду соображений.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что рецензия, вышедшая пять лет спустя после публикации рецензируемой книги – это, как мы отмечали выше, фактически уже не рецензия, а обычная статья. Скорее всего, именно поэтому данная статья была размещена в журнале «Вопросы психологии» не в разделе «Критика и библиография», а в разделе «За рубежом». Кроме того, при ознакомлении со статьей сразу же бросается в глаза ее невероятно большой (нетипичный для жанра рецензии) объем – пять страниц убористого журнального текста. Это почти тридцать тысяч знаков, что соответствует объему полноценной журнальной статьи.

Ознакомившись с этой статьей-рецензией сейчас, мы можем судить, насколько далеко в нас самих зашел процесс деидеологизации, насколько другими глазами мы сейчас воспринимаем эту публикацию, насколько мы можем отделить зерна от плевел, то есть извлечь собственно научное содержание из неизбежной в советские времена идеологической «упаковки». К тому же сегодня у нас есть возможность непосредственно сопоставить данную рецензию с двумя зарубежными рецензиями – Й. Брожека [18] и Д. Джоравски [22].

Общий взгляд Т.Р. Пейна на советскую психологию Е.А. Будилова и К.А. Славская, цитируя

центральный тезис Т.Р. Пейна, описывают следующим образом: «"Таким образом, советская психология основана частично на механистической системе, которая не является материалистической, и частично на материалистической системе, которая не является механистической. С этой точки зрения, существует непримиримое противоречие между двумя традициями, на которых основана советская психология" [32, с. 29-30]. Неразрешимый конфликт двух систем – философской и естественнонаучной – отличает, как полагает Пейн, современную советскую психологию и мешает ее развитию. Таков вывод автора, высказанный им вместе с признанием рождения глубокой и оригинальной психологической теории в советской науке» [7, с. 175].

В отличие от Й. Брожека, Е.А. Будилова и К.А. Славская незамедлительно подвергают взгляды Т.Р. Пейна суровой, принципиальной и многоплановой критике: Т. Пейн в оценке русской психологии «следует за ошибочными взглядами, принятыми зарубежными историками психологии», у него налицо «неверное понимание сеченовской рефлексорной теории психики» [7, с. 175], он следует «своему пониманию учения Павлова в духе механицизма» [7, с. 176], «материалистическую онтологию он понимает в духе механицизма» [7, с. 177], «самую объективность он понимает в духе гегелевского объективного идеализма, а не в смысле материалистической диалектики» [7, с. 178], поэтому можно говорить о «противоречиях пейновских оценок» [7, с. 176], о «дуализме пейновской концепции» [7, с. 177] и т.д.

Очень не нравится авторам статьи то, что Т.Р. Пейн «называет концепцию Рубинштейна теорией "конституирующих отношений"» – из-за того, что «название это непосредственно исходит из выдвигаемого семантизмом принципа конституирования отношений и ассоциируется с ним» [7, с. 178]. Чтобы стала понятной вся тяжесть этого обвинения, обратим внимание на то, что на предыдущей странице статьи вскользь говорится о «современном семантическом идеализме», в котором «вещь конституируется ее значением» [7, с. 177]. (Фактически в книге Т.Р. Пейна используется выражение «general theory of constitutive relationism», что в наши дни переводится как «общая теория конститутивного реляционизма»).

Впрочем, в статье содержится довольно-таки прозрачный намек на «буржуазное мировоззрение» Т. Пейна, наличие которого, как мы понимаем, объясняет в его взглядах многое – если не всё: «Однако если в рамках буржуазного мировоззрения оказывается возможным оценить диалектические достижения советской психологии и даже подчеркнуть объективное содержание этой диалектики, то материалистический характер марксистской диалектики Пейн понять не в состоянии» [7, с. 177]. Как следствие, «в высказываниях Пейна со всей очевидностью выступает его механистическое понимание материализма, на основании которого он пытается обвинить диалектический материализм в идеализме» [7, с. 177].

В итоге авторы рецензии приходят к выводу о том, что «признание зарубежными историками значения философии диалектического материализма для советской психологии при раскрытии этого значения оборачивается трактовкой его либо в духе идеализма, либо в духе механицизма. Эта беспомощность буржуазных исследователей в понимании уже решенных советской психологией методологических проблем – лишнее свидетельство остроты и сложности последних, их принципиального характера, свидетельство огромных достижений советской науки» [7, с. 178-179].

«Беспомощность буржуазных исследователей» как «свидетельство огромных достижений советской науки» – это, конечно, сильно сказано (не менее сильно, чем обнаруженное у Т. Пейна обвинение диалектического материализма в идеализме). Поэтому для обоснования данного тезиса Е.А. Будилова и К.А. Славская использовали дополнительную аргументацию, рассматривая вопрос о советской психологии в более широком контексте: «Доказательством того, что причины неадекватной оценки советской психологии заключены прежде всего в методологических позициях исследователей, является сравнение оценок зарубежных ученых, стоящих на принципиально иных методологических позициях. Сравнение оценок ученых, опирающихся на диалектический материализм, и исследователей, исходящих из любых других методологических принципов, обнаруживает, что именно в различии методологи-

ческих основ лежит закономерная причина противоречивого или непротиворечивого, адекватного или неадекватного, субъективного или объективного анализа советской психологии и ее достижений» [7, с. 179].

В этой связи в конце статьи рассказывается о проходившем в 1971 г. (с 29 августа по 4 сентября) в Бухаресте IV Международном конгрессе логики, методологии и философии науки [7, с. 179]. Работа одной из секций конгресса, как указывают авторы статьи, была специально посвящена проблемам методологии психологии. На этой секции, где К.А. Абульханова-Славская выступала с докладом «Философия и психология», «диалектико-материалистическая формула принципа детерминизма о преломлении внешнего через внутреннее, разработанная С.Л. Рубинштейном», была, как подчеркивают авторы статьи, высоко оценена «как общепризнанное теоретическое достижение советской психологии» [7, с. 179].

Содержательно с данной рецензией перекликается вышедшая в 1973 г. монография К.А. Абульхановой-Славской «О субъекте психической деятельности. Методологические проблемы психологии», в которой на нескольких страницах [1, с. 42-45] обсуждается книга Т.Р. Пейна. Упоминание о нем встречается еще в двух работах К.А. Абульхановой-Славской, вышедших в 1989 г. (к столетию со дня рождения С.Л. Рубинштейна) [2, с. 24; 3, с. 118-119]. Характерно, что никаких других зарубежных психологов, так или иначе высказывавшихся о С.Л. Рубинштейне, в рецензиях и статьях К.А. Абульхановой-Славской не упоминается вовсе.

Как в целом мы должны в настоящее время оценивать статью-рецензию Е.А. Будиловой и К.А. Славской? Стоит вспомнить, что в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в СССР были переведены и изданы на русском языке приличными тиражами книги А. Валлона, Л. Сэва, Ж. Пиаже и еще целого ряда зарубежных авторов. В этом контексте рецензию Е.А. Будиловой и К.А. Славской мы рассматриваем несколько в ином формате: это фактически их экспертное заключение относительно того, как в целом следует оценивать книгу Т.Р. Пейна, стоит ли ее переводить и публиковать

на русском языке. Их ответ, очевидно, отрицательный. Почему?

Мы считаем, что книгу Т.Р. Пейна было невозможно переводить и публиковать ни в советское время (в СССР), ни после (в постсоветской России), так как книга была изначально сбалансирована автором не только в плане методологии и эмпирии, но и в плане оценок: негативные (критические) и позитивные (вплоть до самых восторженных) оценки взглядов С.Л. Рубинштейна и всей (истории) советской психологии вполне уравновешены и слиты в единое целое, вследствие чего их практически невозможно отделить друг от друга, не нарушая картины в целом.

И, конечно, не должно удивлять, что в рассмотренной публикации Е.А. Будиловой и К.А. Славской без особого труда обнаруживаются все специфические признаки советской психологии как «особой науки» – науки единой, партийной, марксистской, идеологизированной, воинствующей и «самой передовой» [более подробно об историографической концепции советской психологии как «особой науки» см. 5, с. 79-99]. Надо хорошо понимать, что это только одна сторона дела. Другая сторона, как мы могли убедиться, заключается в том, что в ходе заочной полемики с Т.Р. Пейном в рецензии Е.А. Будиловой и К.А. Славской со всей серьезностью затрагиваются и скрупулезно обсуждаются наиболее принципиальные теоретические, методологические и философские вопросы, присущие советской психологии 1960-х – начала 1970-х гг.: о материализме и идеализме, о диалектике и механицизме в психологии, о понимании предмета психологии, об объективном и субъективном подходе к психике и т.д. Этот дискурс в настоящее время для исследователя истории советской психологии имеет особую историко-психологическую и теоретико-методологическую значимость – как выразительный и весьма информативный документ своей эпохи.

О том, какие чувства испытывал Т.Р. Пейн, знакомясь с рецензией Е.А. Будиловой и К.А. Славской, мы можем только догадываться.

Рецензия Д. Джоравски (1974)

Дэвид Джоравски (David Joravsky) (1925-2020) – еще один из самых выдающихся исследователей

истории советской психологии и истории советской науки, приобретший мировую известность своими книгами «Soviet Marxism and Natural Science» (1961), «The Lysenko Affair» (1970) и «Russian Psychology, A Critical History» (1989). Русскоязычному читателю Д. Джоравски известен по его двум публикациям на русском языке [9; 10], а также по полемической статье М.Г. Ярошевского [14].

Рецензия Д. Джоравски [22], как и рецензия Й. Брожека, небольшая по объему (около пяти тысяч знаков), но еще более конкретная и откровенная в своих констатациях и оценках: рецензия содержит предельно острые и негативные оценки, причем не только относительно книги Т.Р. Пейна, но и относительно взглядов С.Л. Рубинштейна, философских основ советской психологии и всей советской психологии.

Вначале Д. Джоравски бросает общий взгляд на советскую психологию и ее историю: «Было время, с середины 1930-х до середины 1950-х гг., когда психология как дисциплина в СССР находилась под угрозой исчезновения. Все школы психологической мысли практически осуждались как “буржуазные”, и казалось невозможным удовлетворить требование начальства о создании полностью нативистской науки, которая была бы полезна для образования и медицины, причем практичность должна была определяться не автономными профессиональными стандартами (“цеховщиной”), а его (начальства) собственной антиинтеллектуальной интуицией. Но, так или иначе, разобщенные психологи хотя и с трудом, идя на различные компромиссы между профессиональными стандартами и политической целесообразностью, сумели сохранить свои научные школы (schools of thought). Оттепель середины пятидесятых облегчила их положение, ослабив официальную настойчивость в отношении таких мистических убеждений, как никчемность зарубежной науки, непогрешимость Павлова и огромное значение марксизма-ленинизма для психологической науки» [22, с. 786].

Далее Д. Джоравски не менее откровенно выражает свое отношение к С.Л. Рубинштейну как мыслителю: «Не совсем вина Пейна в том, что Рубинштейн кажется нудным, туманным мыслителем, банальным, когда он не бессодержателен.

Это также не совсем вина Рубинштейна. Он решил сосредоточиться на связи между философией и психологией в то время, когда эти две дисциплины были мрачно разведены, и каждая из них считала себя хорошо избавленной от другой. В такое время выбранная Рубинштейном задача была бы трудной в любом месте, но у него был дополнительный недостаток – он работал в стране с устоявшейся церковью, власти которой осуждали фрагментацию современного знания как идеологическую диверсию. Эта ситуация объясняет склонность Рубинштейна к банальности и бессмыслице. Чем туманнее его мысли и чем ближе он подходил к утверждениям, которые никто не мог оспорить, тем больше у него было шансов убедить сталинских идеологов и ученых-психологов в том, что они могут жить друг с другом. Мы можем почитать его за этот вклад в жизнь разума в Советской России, но трудно читать его без зевоты» [22, с. 786].

В конечном итоге Д. Джоравски формулирует тезис о принципиальной необходимости учета социального и политического контекста при изучении истории советской психологии: «Очевидно, Пейн избегает социологии знания («sociology of knowledge»); мы бы сказали, несколько упрощая формулировку: «социальной истории науки». – С.Б.), опасаясь быть несправедливым. Соотносить официальные стимулы с научными реакциями и наоборот – значит, как (ему) кажется, бросать вызов обеим сторонам, занимаясь *ad hominem* атаками на мыслителей, а не мирным анализом мысли. К сожалению, есть некоторые виды мысли, которые не имеют смысла, если абстрагироваться от их социального и политического контекста. А что касается справедливости по отношению к Рубинштейну, то лишение его мысли смысла может быть большим оскорблением, чем выявление ее акробатического балансирования между заведомыми страстями его сталинских боссов и интеллектуальными требованиями его коллег по психологии и философии» [22, с. 786-787].

«Возможна ли НЕ социальная история советской психологии?» – так от лица Д. Джоравски и Й. Брожека может быть поставлен вопрос ребром. Их ответ – нет, невозможна в принципе.

В этой связи есть смысл поинтересоваться, что именно (и как именно) Д. Джоравски пишет о С.Л. Рубинштейне в своей вышедшей пятнадцать лет спустя книге, посвященной социальной истории российской психологии [23]. В этой книге в четвертой части «Гибкое единство» («Plastic Unity») С.Л. Рубинштейну отводится специальный параграф под названием «Версия Рубинштейна» [23, с. 369-378]. Думается, для понимания общего смысла всего изложенного Дэвидом Джоравски на этих десяти страницах вполне достаточно осмыслить тот факт, что структурно данный параграф входит в тринадцатую главу с названием «Теоретический тупик» («Theoretical Impasse») [23, с. 355-378].

Заключение

Итак, мы выяснили, что книга Т.Р. Пейна до сих пор остается малоизвестной, слабо изученной и плохо понятой прежде всего в силу того, что Т.Р. Пейн вследствие уязвимости своих исходных методологических установок с самого начала оказался под огнем критики сразу с двух сторон: не только со стороны советских психологов, вооруженных «самым передовым» и «всепобеждающим» диалектическим материализмом, но и со стороны своих коллег – зарубежных исследователей, отдававших предпочтение социальной и политической истории советской психологии. (К сожалению, один из наших исходных вопросов – о причинах публикации Дэвидом Джоравски рецензии на книгу Т.Р. Пейна через шесть лет после выхода книги – мы вынуждены оставить без объяснений).

В целом предпринятое нами историографическое исследование «случая Пейна» (реакции научного сообщества на выход в свет книги Т.Р. Пейна «С.Л. Рубинштейн и философские основы советской психологии»),

во-первых, позволяет в значительной степени детализировать и более конкретно оценить один из значимых эпизодов в истории и историографии советской психологии;

во-вторых, свидетельствует о продуктивности использованного в исследовании метода целенаправленного поиска и сравнительного анализа рецензий;

в-третьих, наглядно демонстрирует ряд существенных терминологических нюансов, возникающих в процессе прямого и обратного перевода разноязычных источников;

в-четвертых, свидетельствует о перспективности дальнейших исследований зарубежной историографии истории советской психологии.

Литература:

1. Абульханова-Славская К.А. О субъекте психической деятельности. Методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1973.
2. Абульханова-Славская К.А. Жизненный путь и научное творчество выдающегося советского ученого С.Л. Рубинштейна (1889-1960) (к 100-летию со дня рождения) // Применение концепции С.Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии. М.: Институт психологии АН СССР, 1989. С. 4-30.
3. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989.
4. Артемьева О.А. К 70-летию Павловской сессии: американская историография советской психологии // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 122-131.
5. Богданчиков С.А. Проблемы истории и историографии советской психологии: монография. М.: АСОУ, 2018.
6. Богданчиков С.А. Неподнятая целина: обзор зарубежных публикаций 1930-1950-х гг. о советской психологии // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2021. Т. 1. №1. С. 12-22.
7. Будилова Е.А., Славская К.А. Советская психологическая наука в освещении западноевропейского психолога // Вопросы психологии. 1973. № 2. С. 174-179.
8. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991.
9. Джоравски Д. Сталинистский менталитет и научное знание // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-

- Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С.208-249.
10. Журавский Д. Неосуществимый проект Ивана Павлова // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 14-30.
  11. Кургинян С.С. О книге Томаса Пейна «С.Л. Рубинштейн и философские основания советской психологии» // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Под ред. К.А. Абульхановой, С.В. Тихомировой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 409-414.
  12. Пейн Т.Р. С.Л. Рубинштейн и философские основания советской психологии // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Под ред. К.А. Абульхановой, С.В. Тихомировой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 415-430.
  13. Юревич А.В. Советский человек как социокультурный тип // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 59-68.
  14. Ярошевский М.Г. Новаторство И.М. Сеченова: историческая реальность или «сталинистская фикция»? (Ответ американскому советологу Д. Джоравски) // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 87-98.
  15. Bauer R. The New Man in Soviet Psychology. Cambridge: Harvard University Press, 1952.
  16. Brožek J. Contemporary soviet psychology // Transactions of the New York Academy of Sciences. 1965. V. 27. I. 4. Series II. P. 422-438.
  17. Brozek J., Slobin D.I. Toward A History of Soviet Psychology: A Set of Bibliographies // Soviet Psychology. 1968. V. 6. I. 3-4. P. 8-18.
  18. Brožek J. S.L. Rubištejn and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology by T.R. Payne [Review] // The Russian Review. 1970. V. 29. № 3. P. 350-351.
  19. Brožek J., Slobin D.I. (eds.) Psychology in the USSR: An Historical Perspective. White Plains, N.Y.: International Arts and Sciences Press, Inc. 1972.
  20. Brožek J. Soviet historiography of psychology: III. Between philosophy and history // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1974. V. 10. I. 2. P. 195-201.
  21. Graham L.R. Science, philosophy, and human behavior in the Soviet Union. Expanded, updated version. New York: Columbia University Press, Guildford, Surrey, 1987.
  22. Joravsky D. S.L. Rubištejn and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology by T.R. Payne [Review] // Slavic Review. 1974. V. 33. № 4. P. 786-787.
  23. Joravsky D. Russian Psychology: A Critical History. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: Basil Blackwell, 1989.
  24. Kozulin A. Psychology in Utopia: Toward a Social History of Soviet Psychology. – Cambridge Massachusetts; London, England: The MIT Press, 1984.
  25. McLeish J. Soviet Psychology: History, Theory and Content. London: Methuen, 1975.
  26. Payne R. Sergej Leonidovič Rubištejn // Studies in Soviet Thought. 1963. V. 3. № 3. P. 208-209.
  27. Payne R.T. Bibliography: Books and Articles by S.L. Rubištejn // Studies in Soviet Thought. 1964. V. 4. № 1. P. 78-80.
  28. Payne T.R. A Guide to Marxism and Its Effects on Soviet Development by P.H. Vigor [Review] // Studies in Soviet Thought. 1966 a. V. 6. № 2. P. 150.
  29. Payne T.R. On the Theoretical Foundations of Soviet Psychology // Studies in Soviet Thought. 1966 b. V. 6. № 2. P. 124-134.
  30. Payne T.R. “Brain-Psyche” Problem in Soviet Psychology: A Survey of Its Development and Perspectives // Studies in Soviet Thought. Trends and Perspectives in Current Soviet and East-European Philosophy. 1967 a. V. 7. № 2. P. 83-100.
  31. Payne T.R. Mozg človeka i psixičeskieprocessy by A.R. Lurija; Problemy psixologii pamjati by A.A. Smirnov [Review] // Studies in Soviet Thought. 1967 b. V. 7. № 1. P. 78-79.
  32. Payne T.R. S.L. Rubištejn and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology. Dordrecht (Holland); Reidel Publishing Company; Distributed by Humanities Press, New York, 1968a. (Sovietica: Monogr. of the Inst. of East-Europ. studies, Univ. of Fribourg).

33. Payne T.R. A.V. Petrovskij's History of soviet psychology // *Studies in Soviet Thought*. 1968b. V. 8. № 2/3. P. 181-187.
34. Payne T.R. The Development of Soviet Psychological Theory: The Case of S.L. Rubinštejn // *Studies in Soviet Thought*. 1968c. V. 8. № 2/3. P. 144-156.
35. Payne T.R. The 80th Anniversary of the Birth of S.L. Rubinštejn // *Studies in Soviet Thought*. 1970. V. 10. № 3. P. 255-261.
36. Payne T.R. Psychology in the U.S.S.R.: An Historical Perspective by Josef Brožek and Dan I. Slobin [Review] // *Studies in Soviet Thought*. 1974. V. 14. № 1/2. P. 163-166.
37. Rahmani L. *Soviet Psychology. Philosophical, Theoretical and Experimental Issues*. N.Y.: International Universities Press, 1973.
38. Yasnitsky A. (ed.) *A History of Marxist Psychology: The Golden Age of Soviet Science*. London and New York: Routledge, 2020.

Статья поступила в редакцию 22.07.2022

FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF SOVIET PSYCHOLOGY: THE CASE OF T.R. PAYNE

© **Sergey A. Bogdanchikov**

Ph.D. (psychology), Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia
bogdanchsa@gmail.com

The article provides a historiographical analysis of T.R. Payne's book "S.L. Rubinstein and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology" ("S.L. Rubinstein and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology", 1968). The content of the book is analyzed as well as the reviews of J. Brožek (1971), E.A. Budilova, K.A. Slavskaya (K.A. Abulkhanova) (1973) and D. Joravsky (1974) on the book by T.R. Payne. It is concluded that this work still remains little known, poorly studied and poorly understood, since from the very beginning due to the vulnerability of his initial methodological positions, Payne found himself under fire from two sides at once: not only from Soviet psychologists, but also from his colleagues - foreign researchers of the history of Soviet psychology.

Keywords: history of Soviet psychology, foreign historiography of the history of Soviet psychology, philosophical foundations of psychology, scientific monographs and reviews, T.R. Payne, S.L. Rubinstein, E.A. Budilova, K.A. Slavskaya (K.A. Abulkhanova), J. Brožek, D. Joravsky

REFERENCES

1. Abul'hanova-Slavskaya K.A. (1973). O sub"ekte psihicheskoj deyatel'nosti. Metodologicheskie problemy psihologii [*About the subject of mental activity. Methodological problems of psychology*]. M.: Nauka.
2. Abul'hanova-Slavskaya K.A. (1989). ZHiznennyj put' i nauchnoe tvorchestvo vydayushchegosya sovetskogo uchenogo S.L. Rubinshtejna (1889-1960) (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [*The life path and scientific creativity of the outstanding Soviet scientist S.L. Rubinstein (1889-1960) (to the 100th anniversary of his birth)*] // *Primenenie koncepcii S.L. Rubinshtejnov v razrabotke voprosov obshej psihologii [Application of the concept of S.L. Rubinstein in the development of issues of general psychology]*. M.: Institut psihologii AN SSSR [*Moscow: Institute*

- of Psychology of the USSR Academy of Sciences*]. P. 4-30.
3. Abul'hanova-Slavskaya K.A., Brushlinskij A.V. (1989). Filosofsko-psihologicheskaya koncepciya S.L. Rubinshtejna: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya [*Philosophical and psychological concept of S.L. Rubinstein: to the 100th anniversary of his birth*]. Moscow: Nauka.
  4. Artem'eva O.A. (2021). K 70-letiyu Pavlovskoj sessii: amerikanskaya istoriografiya sovetskoj psihologii [*On the 70th anniversary of the Pavlovsk session: American historiography of Soviet psychology*] // Psihologicheskij zhurnal [*Psychological Journal*]. V. 42. № 1. P. 122-131.
  5. Bogdanchikov S.A. (2018). Problemy istorii i istoriografii sovetskoj psihologii: monografiya [*Problems of the history and historiography of Soviet psychology: monograph*]. M.: ASOU.
  6. Bogdanchikov S.A. (2021). Nepodnyataya celina: obzor zarubezhnyh publikacij 1930-1950-h gg. o sovetskoj psihologii [*Unopened virgin land: a review of foreign publications of the 1930s-1950s on Soviet psychology*] // Uchenye zapiski Instituta psihologii Rossijskoj akademii nauk [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. 2021. V. 1. №1. P. 12-22.
  7. Budilova E.A., Slavskaya K.A. (1973). Sovetskaya psihologicheskaya nauka v osveshchenii zapadnoevropejskogo psihologa [*Soviet psychological science in the coverage of a Western European psychologist*] // Voprosy psihologii [*Questions of psychology*]. № 2. P. 174-179.
  8. Grekhem L.R. (1991). Estestvoznание, filozofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze [*Natural science, philosophy and sciences of human behavior in the Soviet Union*]. Moscow: Politizdat.
  9. Dzhoravski D. (2001). Stalinistskij mentalitet i nauchnoe znanie // Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednih let. Sovetskij period: Antologiya / Sost. M. Devid-Foks [*Stalinist mentality and scientific knowledge // American Russian Studies: Milestones of historiography of recent years. The Soviet Period: An Anthology / Comp. M. David-Fox*]. Samara: Izd-vo «Samarskij universitet» [*Publishing House "Samara University"*]. P. 208-249.
  10. ZHuravskij D. (1991). Neosushchestvimyj proekt Ivana Pavlova [*The impracticable project of Ivan Pavlov*] // Voprosy filosofii [*Questions of philosophy*]. № 9. P. 14-30.
  11. Kurginyan S.S. (2011). O knige Tomasa Pejna «S.L. Rubinshtejn i filozofskie osnovaniya sovetskoj psihologii» [*About Thomas Paine's book "S.L. Rubinstein and the philosophical foundations of Soviet psychology"*] // Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S.L. Rubinshtejna / Pod red. K.A. Abul'hanovoj, S.V. Tihomirovoj [*Philosophical and psychological legacy of S.L. Rubinstein / Edited by K.A. Abulkhanova, S.V. Tikhomirova*]. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [*Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"*]. P. 409-414.
  12. Pejn T.R. (2011). S.L. Rubinshtejn i filozofskie osnovaniya sovetskoj psihologii [*Rubinstein and the philosophical foundations of Soviet psychology*] // Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S.L. Rubinshtejna / Pod red. K.A. Abul'hanovoj, S.V. Tihomirovoj [*Philosophical and psychological heritage of S.L. Rubinstein / Edited by K.A. Abulkhanova, S.V. Tikhomirova.*]. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [*Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"*]. P. 415-430.
  13. YUrevich A.V. (2021). Sovetskij chelovek kak sociokul'turnyj tip [*The Soviet man as a socio-cultural type*] // Psihologicheskij zhurnal [*Psychological Journal*]. V. 42. № 5. P. 59-68.
  14. YAroshevskij M.G. (1994). Novatorstvo I.M. Sechenova: istoricheskaya real'nost' ili «stalinistskaya fikciya»? (Otvét amerikanskomu sovetologu D. Dzhoravski) [*I.M. Sechenov's Innovation: Historical reality or "Stalinist fiction"?* (Answer to the American Sovietologist D. Joravsky)] // Voprosy psihologii [*Questions of psychology*]. № 6. P. 87-98.
  15. Bauer R. (1952). *The New Man in Soviet Psychology*. Cambridge: Harvard University Press.
  16. Brožek J. (1965). Contemporary soviet psychology // Transactions of the New York Academy of Sciences. V. 27. I. 4. Series II. P. 422-438.

17. Brozek J., Slobin D.I. (1968). Toward A History of Soviet Psychology: A Set of Bibliographies // *Soviet Psychology*. V. 6. I. 3-4. P. 8-18.
18. Brožek J. (1970). S.L. Rubinštejn and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology by T.R. Payne [Review] // *The Russian Review*. V. 29. № 3. P. 350-351.
19. Brožek J., Slobin D.I. (1972). (eds.) *Psychology in the USSR: An Historical Perspective*. White Plains, N.Y.: International Arts and Sciences Press, Inc.
20. Brožek J. (1974). Soviet historiography of psychology: III. Between philosophy and history // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. V. 10. I. 2. P. 195-201.
21. Graham L.R. (1987). *Science, philosophy, and human behavior in the Soviet Union*. Expanded, updated version. New York: Columbia University Press, Guildford, Surrey.
22. Joravsky D. S.L. (1974). Rubinštejn and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology by T.R. Payne [Review] // *Slavic Review*. V. 33. № 4. P. 786-787.
23. Joravsky D. (1989). *Russian Psychology: A Critical History*. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: Basil Blackwell.
24. Kozulin A. (1984). *Psychology in Utopia: Toward a Social History of Soviet Psychology*. – Cambridge Massachusetts; London, England: The MIT Press.
25. McLeish J. (1975). *Soviet Psychology: History, Theory and Content*. London: Methuen.
26. Payne R. (1963). Sergej Leonidovič Rubinštejn // *Studies in Soviet Thought*. V.3. № 3. P. 208-209.
27. Payne R.T. (1964). Bibliography: Books and Articles by S. L. Rubinštejn // *Studies in Soviet Thought*. V. 4. № 1. P. 78-80.
28. Payne T.R. (1966 a). A Guide to Marxism and Its Effects on Soviet Development by P.H. Vigor [Review] // *Studies in Soviet Thought*. V. 6. № 2. P. 150.
29. Payne T.R. (1966 b). On the Theoretical Foundations of Soviet Psychology // *Studies in Soviet Thought*. V. 6. № 2. P. 124-134.
30. Payne T.R. (1967 a). “Brain-Psyche” Problem in Soviet Psychology: A Survey of Its Development and Perspectives // *Studies in Soviet Thought. Trends and Perspectives in Current Soviet and East-European Philosophy*. V. 7. № 2. P. 83-100.
31. Payne T.R. (1967 b). Mozg človeka i psixičeskieprocessy by A.R. Lurija; Problemy psixologii pamjati by A.A. Smirnov [Review] // *Studies in Soviet Thought*. V. 7. № 1. P. 78-79.
32. Payne T.R. (1968 a). S.L. Rubinštejn and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology. Dordrecht (Holland); Reidel Publishing Company; Distributed by Humanities Press, New York. (Sovietica: Monogr. of the Inst. of East-Europ. studies, Univ. of Fribourg).
33. Payne T.R. (1968 b). A.V. Petrovskij's History of soviet psychology // *Studies in Soviet Thought*. V. 8. № 2/3. P. 181-187.
34. Payne T.R. (1968 c). The Development of Soviet Psychological Theory: The Case of S.L. Rubinštejn // *Studies in Soviet Thought*. V. 8. № 2/3. P. 144-156.
35. Payne T.R. (1970). The 80th Anniversary of the Birth of S. L. Rubinštejn // *Studies in Soviet Thought*. V. 10. № 3. P. 255-261.
36. Payne T.R. (1974). *Psychology in the U.S.S.R.: An Historical Perspective* by Josef Brožek and Dan I. Slobin [Review] // *Studies in Soviet Thought*. V. 14. № 1/2. P. 163-166.
37. Rahmani L. (1973). *Soviet Psychology. Philosophical, Theoretical and Experimental Issues*. N.Y.: International Universities Press.
38. Yasnitsky A. (2020). (ed.) *A History of Marxist Psychology: The Golden Age of Soviet Science*. London and New York: Routledge.

The article was received 22.07.2022